

«ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО...»?

Окончание. Начало на 2 стр.

Среди постояльцев не только бомжи, но и вполне состоятельный народ. Это те же старики и инвалиды, у которых есть пенсии, квартиры. Деньги и имущество есть, а вот родных и близких людей нет. И ухаживать, и дохаживать некому. Доживают свою жизнь в приюте. Пенсию отдают на общие нужды, квартиры стоят опечатанными. Однажды отцу Алексею посоветовали приватизировать квартиры, которые после смерти его постояльцев забирает государство. Можно было продать их, пополнить скучный бюджет приюта, начать ремонт помещений. Он даже начал что-то делать, да ничего не вышло.

- Хорошо, что не связался с этим, - говорит он, - Бог отвел. В других приютах пробовали, да потом замутились с родственниками судиться. Нам и так хорошо. Правда иногда бывает, что едим одну картошку да кашу. Но постояльцы у нас люди неприхотливые, всем рады. Мы им помогаем, чем можем, какие условия смогли создать, в тех и живут. Но это, все же лучше, чем умирать на улице.

Наш Женя Нефедьев отмылся, отъелся, чисто одет, пострижен. Узнал свою спасительницу Надежду Петровну, разулыбался беззубым ртом. У него своя кровать с чистым бельем, тумбочка. А что еще надо?

«ЗАБОТА» О ЛЮДЯХ

А вот с чем действительно серьезная проблема, так это с врачами. Не идут, не хотят возиться с приютскими бомжами, лечить чесотку, туберкулез, истощения, язвы, пролежни. Даже за деньги не хотят. И времени нет, все дежурят сутками, да и коллеги косо смотрят. Медицинский кабинет стоит пустым. Да и само здание приюта просто жуткое, пол сгнил и провалился, кирпичи сыпятся из стен. В государственных интернатах сейчас делают евроремонты, кровати противопро-

лежневые ставят и другое современное медицинское оборудование, уход, присмотр. Только для того, чтобы попасть туда надо пройти медицинскую комиссию, словно в космонавты собрался, а не в богадельню, да собрать кучу бумаг, а потом еще подождать год-два. Бомжам в такие заведения путь закрыт, у них и паспорт-то не всегда есть. Раз рекламированный, государственный центр в Лебяжье, куда набрали здоровых, работоспособных бомжей-мужчин, где создали для них прекрасные условия, поработал чуть больше года, сейчас закрыт. Государство не увидело положительной динамики и конечного результата, не стали бомжи на путь исправления. Вложения в такие центры сочлено нецелесообразным. А уж доходяги отца Алексея и вовсе никого не интересуют. Пенсионеры для того, чтобы попасть в дом ветеранов должны завещать городу свою квартиру. За «спасибо» ты госучреждениям не нужен. Дом инвалидов в Каменске закрыли в прошлом году: нерентабельно.

«Нет, это не люди второго сорта. Они, как дети».

- В нашем приюте мы от своих постояльцев ничего не ждем, - рассказывает отец Алексей, - ни исправления, ни воцерковления. Не станут они вокруг умными, красивыми и здоровыми. Не обретут веру, да и нет у меня миссионерской задачи. И будущего никакого у них нет. Но пусть они доживают свою жизнь в тепле, смытыми. Кто может работать, пусть работает. А нет, так нет. Но в приюте у нас строгий режим, нельзя пить, курить, побираться, выходить без нужды из помещения. Нарушил – уходи. Правда, нарушителей прощаю, прощаю... Возвращаю обрат-

но... Нет, это не люди второго сорта. Они, как дети. Иногда они уже и не способны думать ни о чем. Например, сын привез к нам свою мать. Она старая, больная, плохо соображает. Ну, в чем она виновата? Только в том, что воспитала такого сына, который сдал ее в приют...

МЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ?

Часть тех, кто сейчас брезгливо читает эти строки, закончит свои дни в одной из таких богаделен. Никаких преувеличений, об этом свидетельствует статистика. Никто никому не нужен, люди хотят жить только для себя. Отцу Алексею частенько приходится сдерживать враждебность местных жителей, которые готовыстереть приют с лица земли. Никакой особой благодарности жители к нему не испытывают. «Убрайся отсюда со своими бомжами, им здесь не место!» - нередко слышит он. Это вполне соответствует русскому менталитету. Когда это у нас человека при жизни оценивали по заслугам? То, что для его подопечных необходимо другое помещение, где-нибудь на окраине города, он и сам понимает. Только кто же ему его предоставит. И кто из жителей согласится терпеть рядом со своим домом такой приют. Да и есть ли в наших православных городах место для старых и убогих?

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

Отец Алексей молод, невысок, сухопар. Говорит спокойно, с иронией, без нравоучений, без пафоса. Улыбчив, умен, эмоциями владеет, остается только догадываться, какой огонь горит внутри него. Внешне производит впечатление прагматика, говорит о хозяйстве, ремонтах. О земном. Спросить бы его: зачем вам все это надо? Ведь благодарности никакой, одни нападки, да проблемы. Но как задать такой вопрос священнослужителю? Ведь он просто живет по вере, согласно принятым на себя обетам, где заповедь: «Возлюби ближнего своего, как себя самого» норма. Хотя, пожалуй, надо было спросить. Нечасто в наше время встречается человек, выполняющий взятые на себя обязательства. Несущий свой крест просто, без истерик и лицемерия. Зато вполне нормально встретить монаха, раскатывающего на «Бентли». Это уже никого не удивляет.

Лариса Ушакова
Фото автора

